

МЫШЛЕНИЕ И АЛГОРИТМ В КОНТЕКСТЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

А.А. Имашова¹, старший научный сотрудник

А.Т. Жайлообаева², канд. филос. наук, доцент, директор

Ч.К. Сооронбаева³, старший преподаватель

¹Институт философии имени академика А.А. Алтмышбаева НАН КР

²Центр тестирования и развития клинических навыков Кыргызской государственной медицинской академии имени И.К. Ахунбаева

³Иссык-Кульский государственный университет им. К. Тыныстанова

^{1,2}(Кыргызстан, г. Бишкек)

³(Кыргызстан, г. Каракол)

DOI:10.24412/2500-1000-2026-2-2-22-27

Аннотация. Статья посвящена философскому анализу соотношения мышления и алгоритма в контексте развития искусственного интеллекта. Исследование направлено на выявление онтологических и эпистемологических различий между алгоритмической обработкой информации и мышлением как актом субъективного смыслообразования. Показано, что алгоритм представляет собой формальную процедуру преобразования данных, основанную на детерминированных или вероятностных правилах, тогда как мышление обладает интенциональностью, рефлексивностью и экзистенциальной ответственностью. Особое внимание уделяется феномену иллюзии совпадения алгоритма и мышления, возникающему в условиях цифровой медиасреды. Рассматриваются последствия алгоритмизации сознания и пределы редукции субъективности к вычислительным моделям. Обосновывается положение о том, что усложнение алгоритмических структур не устраняет онтологической дистанции между процедурой вычисления и актом понимания.

Ключевые слова: мышление; алгоритм; искусственный интеллект; субъект; интенциональность; рефлексия; алгоритмизация сознания; философия техники; цифровая рациональность; субъективность.

Современный этап технологического развития характеризуется не просто ускоренным внедрением систем искусственного интеллекта в различные сферы человеческой деятельности, но радикальным изменением структуры когнитивного пространства. Искусственный интеллект перестаёт быть вспомогательным инструментом вычисления и постепенно становится медиатором мышления, фильтром интерпретации и участником принятия решений. В этом контексте за внешней эффективностью алгоритмов скрывается фундаментальный философский вопрос: совпадает ли алгоритмическая обработка информации с мышлением как онтологическим актом субъекта?

Данный вопрос выходит за пределы инженерной проблематики и касается самой природы разума. Если алгоритм способен генерировать тексты, анализировать данные, прогнозировать поведение и принимать решения на основе вероятностных моделей, означает ли

это, что он мыслит? Или же речь идёт о сложной форме имитации, в которой воспроизводится структура рассуждения без внутреннего переживания смысла?

Проблема соотношения мышления и алгоритма требует не только технического, но прежде всего философского анализа. Здесь затрагиваются ключевые категории: субъект, интенциональность, рефлексия, свобода, ответственность. Алгоритм функционирует в рамках формализованных процедур, тогда как мышление в классической философской традиции понимается как акт смыслообразования, включающий способность к сомнению, отрицанию, самоосознанию и пересмотру оснований.

Особую остроту данная проблема приобретает в условиях цифровой медиасреды, где происходит постепенная алгоритмизация повседневного опыта. Если мышление начинает восприниматься как алгоритмически воспроизводимый процесс, то происходит не просто

технологическое обновление, а переопределение самого понятия субъекта. Человек в таком случае начинает мыслить себя через модель вычисления, а разум – через логику оптимизации. Возникает риск редукции мышления к функциональной процедуре обработки данных.

В этой связи актуализируется несколько исследовательских вопросов:

1. Является ли алгоритм онтологическим аналогом мышления или лишь его формальной моделью?
2. Возможно ли полное описание мышления в терминах вычисления?
3. Где проходят философские пределы алгоритмизации сознания?
4. Какие трансформации претерпевает понимание субъекта в эпоху ИИ?

Методологически исследование опирается на онтологический и эпистемологический анализ, сопоставление философской концепции мышления с формально-вычислительной моделью алгоритма, а также на критическое рассмотрение современных дискуссий об искусственном интеллекте.

Новизна работы заключается в том, что алгоритм рассматривается не только как техническая структура, но как феномен, оказывающий влияние на трансформацию самого понимания мышления. В центре внимания – не вопрос «может ли ИИ мыслить», а более глубокий вопрос: «что происходит с человеческим мышлением в условиях алгоритмической среды?»

Цель настоящей статьи – выявить онтологические и гносеологические различия между мышлением и алгоритмом в контексте развития искусственного интеллекта, а также определить философские пределы алгоритмизации сознания.

Тем самым исследование направлено не на противопоставление человека и технологии, а на прояснение различия между вычислением и пониманием, между процедурой и смыслом, между симуляцией интеллектуальной активности и экзистенциальным актом мышления.

Мышление как онтологический акт

Если алгоритм представляет собой формальную процедуру преобразования данных, то мышление в философском смысле не сводится к операции. Оно есть событие присутствия субъекта в мире, способ его бытия.

Мышление не просто производит выводы – оно устанавливает отношение к существу, раскрывает смысл, соотносит себя с истиной.

В классической философской традиции мышление мыслится как акт, в котором субъект не только познаёт объект, но и обнаруживает себя как носителя ответственности. В этом отношении мышление всегда превосходит чисто инструментальную рациональность. Оно способно к отрицанию, сомнению, пересмотру оснований и самоограничению. Там, где алгоритм завершает вычисление, мышление может начать вопрос.

Существенной характеристикой мышления является интенциональность – направленность на мир как на значимое целое. Мышление не ограничивается структурой данных; оно выходит за пределы заданного, потому что способно ставить под вопрос саму структуру. Эта способность к выходу за пределы формального порядка отличает его от алгоритмической процедуры.

Кроме того, мышление обладает рефлексивностью. Оно может обращаться к собственным основаниям, проблематизировать их, обнаруживать скрытые предпосылки. В этом проявляется его онтологическая глубина: мышление не просто функционирует, оно осознаёт своё функционирование. В отличие от алгоритма, который реализует правило, мышление способно поставить под вопрос само правило.

Философия техники указывала на опасность редукции мышления к инструментальному рассудку. Когда разум начинает понимать исключительно как средство расчёта и оптимизации, происходит сужение горизонта бытия до технической доступности. В таком горизонте исчезает различие между сущим как ресурсом и сущим как смыслом. Мышление же сохраняет способность удерживать это различие.

Современные исследования трансформации сознания в цифровой среде показывают, что алгоритмизация повседневных когнитивных практик постепенно изменяет сам способ самопонимания субъекта. Человек начинает воспринимать собственное мышление как вычислительную функцию, а не как акт внутреннего самоопределения. В этом проявляется сдвиг от онтологической к процедурной модели разума.

Искусственный интеллект – это не просто техническая революция или инструмент новой эпохи. Он – воплощённая метафора сдвига в самом основании мысли, симптом тектонического смещения между знанием и бытием, между субъектом и функцией, между присутствием и моделированием. В ИИ современность смотрит на себя как в зеркало: и видит там не образ разума, но его алгоритмическое эхо. Разум, когда-то ассоциировавшийся с внутренней глубиной, экзистенцией, трагедией и выбором, оказывается вынесен за пределы человека, разбросан по нейронным сетям и языковым моделям. Но с этим выносом исчезает не просто субъект, а основание ответственности, вектор свободы, интенция бытия. Мы подошли к порогу, где мышление теряет почву, но обретает новую форму – гибридную, распределённую, виртуализированную. Здесь больше нет единой точки отсчёта, но есть множественность кодов, потоков, архитектур смысла. ИИ становится пространством, в котором возможное вторгается в реальное, а реальное перестаёт быть необходимым. Но именно в этом – вызов для философии. Не отступить, не раствориться в технократической очевидности, а снова задать предельные вопросы: – Можно ли симулировать со знание без уничтожения подлинности? – Что сохраняет человеческое, когда разум становится машинным? – Какая форма мышления возможна после субъекта? Искусственный интеллект как метафизика – это не об ИИ, а о нас самих: о границах, которые мы готовы пересечь, о реальности, которую мы готовы переписать, и о философии, которую мы призваны вновь оживить в сердце алгоритмической эпохи [1; с. 11].

Однако мышление остаётся актом выбора. Оно связано с ответственностью, поскольку предполагает принятие решения в условиях неопределённости. Алгоритм минимизирует неопределённость через расчёт вероятностей; мышление же может принять решение, даже когда расчёт невозможен. Здесь обнаруживается экзистенциальное измерение: мыслить – значит брать на себя риск истины.

Мышление также связано с временной структурой субъекта. Оно удерживает прошлое в форме памяти, проектирует будущее в форме намерения и переживает настоящее как поле выбора. Алгоритм же существует только

в режиме текущей операции. Он не имеет собственной временной перспективы; его «память» есть сохранённые данные, но не пережитый опыт. Машина, которая «думает», но не знает, что думает. ИИ оказывается как бы за пределами классической эпистемологии – он производит решения, не обладая знанием о самих основаниях принятого решения. Это создает новые вызовы не только в области этики и технологий, но и в сфере онтологии мышления. Что значит мыслить – и может ли быть мышление без субъективности? Может ли быть познание без самопонимания? [2; с. 161].

Мышление как онтологический акт характеризуется интенциональностью, рефлексивностью, способностью к отрицанию и пересмотру оснований, временной протяжённостью и ответственностью за принятое решение. Оно не сводится к вычислению, поскольку его сущность состоит не в преобразовании символов, а в раскрытии смысла.

Именно поэтому проблема искусственного интеллекта не может быть сведена к вопросу вычислительной мощности. Даже при бесконечном усложнении алгоритмических структур остаётся открытым вопрос: возможен ли у системы акт самоотнесения, без которого мышление превращается в имитацию?

Иллюзия совпадения: алгоритм как модель мышления

Развитие систем искусственного интеллекта усилило тенденцию к отождествлению алгоритма и мышления. Способность машин генерировать тексты, анализировать сложные данные, моделировать поведение и поддерживать диалог создаёт впечатление наличия субъективности. Возникает иллюзия совпадения: если структура вывода воспроизводится, значит воспроизводится и мышление.

Однако совпадение формы не означает совпадения сущности. Алгоритм способен имитировать внешнюю конфигурацию рассуждения, но имитация не равна внутреннему акту понимания. Он оперирует вероятностями, а не смыслом; реагирует на входные данные, но не переживает их значимости.

Именно здесь возникает феномен симуляции интеллектуальности. Машина воспроизводит когнитивный результат без экзистенциального измерения, которое сопровождает человеческое мышление. Внешне создаётся эф-

фект рассуждения, но внутренне отсутствует самоотнесённость. Алгоритм не знает, что он «мыслит»; он не осознаёт, что производит вывод.

Критика сильного ИИ подчёркивала, что формальная обработка символов не тождественна пониманию контекста и ситуации. Даже сложные вычислительные системы остаются в пределах формализованной процедуры и не обладают тем, что можно назвать «жизненным миром» [3]. Машина может моделировать стратегию, но не проживает ситуацию.

Современная цифровая среда усиливает данную иллюзию. Чем более убедительно алгоритм воспроизводит интеллектуальные операции, тем сильнее возникает соблазн признать его носителем мышления. В этом процессе происходит постепенное смещение критериев: мышление начинает оцениваться по результату, а не по внутреннему акту.

Такое смещение имеет философские последствия. Если мыслить – значит производить корректный вывод, то субъект перестаёт быть необходимым. Мышление превращается в функциональный эффект, а не в событие бытия. Именно эта редукция фиксируется в анализе трансформации сознания под влиянием цифровых технологий [4].

Проблема усложняется тем, что человек, взаимодействуя с алгоритмом, постепенно адаптирует собственное мышление к его логике. Он начинает мыслить в терминах оптимизации, эффективности, вероятности. Тем самым алгоритм перестаёт быть просто инструментом и становится моделью рациональности.

В результате возникает парадокс: чем совершеннее алгоритм воспроизводит структуру рассуждения, тем более размытым становится различие между вычислением и пониманием. Однако это размывание носит эпистемологический характер и не устраняет онтологической дистанции. Отсутствие самоотнесения, интенциональности и ответственности сохраняет границу, которую невозможно устранить усложнением программной архитектуры.

Иллюзия совпадения алгоритма и мышления – это не техническая ошибка, а философская проблема эпохи. Она проявляется там, где результат подменяет акт, форма – содержание, симуляция – присутствие.

Алгоритмизация сознания и пределы субъективности

Если в предыдущих разделах было показано различие между алгоритмом как формальной процедурой и мышлением как онтологическим актом, то на данном этапе возникает более сложный вопрос: что происходит с самим субъектом в условиях повсеместной алгоритмизации когнитивной среды?

Алгоритмизация сознания означает не просто использование цифровых инструментов, а постепенное структурирование повседневного мышления по модели вычисления. Рекомендательные системы, автоматизированные решения, цифровые фильтры интерпретации информации – всё это формирует среду, в которой мышление всё чаще осуществляется через заранее заданные алгоритмические траектории [5].

В такой среде субъект начинает соотносить себя с логикой оптимизации. Решение оценивается по критерию эффективности, мысль – по скорости обработки, истина – по вероятностной достоверности. Рациональность постепенно редуцируется к инструментальному измерению. Этот процесс был осмыслен как трансформация сознания в условиях цифровой медиасреды, где внешние алгоритмические структуры начинают выполнять функцию когнитивного посредника [6].

Алгоритмизация не уничтожает субъекта, но изменяет способ его самопонимания. Человек всё чаще доверяет алгоритмическому выводу больше, чем собственной рефлексии. Возникает делегирование интеллектуальной ответственности: решение принимается системой, а субъект становится пользователем результата. Тем самым ослабляется экзистенциальная составляющая мышления – способность не только вычислять, но и отвечать.

Особую опасность представляет превращение технической рациональности в универсальную модель мышления. Когда техника начинает диктовать структуру рассуждения, возникает феномен, который можно обозначить как расширение инструментального разума [7]. В таком горизонте мир воспринимается преимущественно как совокупность ресурсов и данных, доступных для обработки. Смысл уступает место функциональности.

Пределы субъективности в этом контексте проявляются в нескольких измерениях. Во-

первых, снижается глубина рефлексии: алгоритм предлагает готовую интерпретацию быстрее, чем субъект успевает её осмыслить. Во-вторых, сокращается пространство сомнения: вероятностный расчёт создаёт иллюзию достаточности знания. В-третьих, трансформируется ответственность: если решение оптимально по данным системы, то вопрос личной ответственности размывается.

Тем не менее субъективность не может быть полностью растворена в алгоритмической среде. Она сохраняется в способности к отрицанию, в возможности выйти за пределы предписанной логики, в праве на ошибку, не сводимую к статистической погрешности. Именно здесь пролегает граница алгоритмизации: вычисление может сопровождать мышление, но не способно заменить акт самоотнесения.

Алгоритмизация сознания обнаруживает философский парадокс. Чем более совершенными становятся цифровые системы, тем острее встаёт вопрос о сохранении субъекта как носителя смысла. Если мышление окончательно интерпретируется как функция обработки данных, то исчезает различие между человеком и системой. Если же мышление сохраняет онтологическую глубину, то алгоритм остаётся инструментом, каким бы сложным он ни был [8].

Предел субъективности проходит там, где заканчивается вычисление и начинается ответственность. Именно в этом переходе – от процедуры к выбору – сохраняется уникальность человеческого мышления.

Заключение

Проведённый анализ позволил прояснить принципиальное различие между алгоритмом и мышлением, которое в условиях цифровой эпохи нередко оказывается размытым. Алгоритм представляет собой формальную структуру обработки данных, детерминированную или вероятностную, но всегда замкнутую в пределах заданных правил. Мышление же выступает как онтологический акт субъекта – событие смысла, сопряжённое с рефлексией, интенциональностью и ответственностью.

Библиографический список

1. Бекбоев А.А., Имашова А.А., Сооронбаева Ч.К. Искусственный интеллект как метафизика: философский подход // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2025. – № 7-1 (106). – Р. 6-12. – DOI: 10.24412/2500-1000-2025-7-1-6-12.

Совпадение внешней структуры рассуждения не устраняет внутреннего различия. Алгоритм способен воспроизводить форму вывода, но не переживает истины; он моделирует стратегию, но не вступает в экзистенциальное отношение к выбору. В этом различии пролегает граница между вычислением и пониманием.

Особую значимость приобретает не вопрос о том, может ли искусственный интеллект мыслить, а вопрос о том, что происходит с человеческим мышлением в алгоритмизируемой среде. Когда рациональность начинает отождествляться с процедурой оптимизации, возникает риск редукции субъекта к носителю вычислительных функций. Мышление в таком горизонте утрачивает глубину самоотнесения и превращается в инструментальную операцию [9].

Однако субъект не сводится к алгоритму именно потому, что мыслит не только в рамках заданного, но и вопреки ему. Он способен сомневаться, пересматривать основания, принимать решения в условиях неопределённости и нести за них ответственность. Эта способность не выводима из формальной процедуры и не может быть исчерпана усложнением программной архитектуры.

Алгоритмизация сознания выявляет пределы технической рациональности. Вычисление может сопровождать мышление, расширять его возможности, структурировать данные, но оно не подменяет акт самоопределения. Там, где начинается ответственность, где возникает риск истины, где субъект берёт на себя последствия решения, алгоритм остаётся лишь инструментом.

Тем самым философская задача состоит не в противопоставлении человека и технологии, а в сохранении различия между процедурой и смыслом. Только удерживая эту границу, возможно ответственное развитие искусственного интеллекта без утраты субъективности как онтологического основания мышления.

2. Бекбоев А.А., Имашова А.А., Касымов С.К. Искусственный интеллект как «чёрный ящик» разума (историко-философский и эпистемологический подход) // Известия НАН КР. – 2025. – № 4. – С. 158-165.
3. Дрейфус Х. Чего не могут вычислительные машины: критика искусственного разума / Х. Дрейфус; пер. с англ. – 2-е изд. – М.: ЛЕНАНД, 2010. – 336 с. – (Серия «Науки об искусственном»).
4. Сёрл Дж.Р. Сознание, мозг и программы // Аналитическая философия: становление и развитие. – М., 1998.
5. Тьюринг А. Вычислительные машины и разум / А.М. Тьюринг; пер. с англ. К. Королёва. – М.: АСТ, 2018. – 128 с. – (Серия «Эксклюзивная классика»). – ISBN 978-5-17-105970-5.
6. Хлебников Г.В. Философия информации Лучано Флориди / Г.В. Хлебников // Теория и практика общественно-научной информации. – 2013. – № 21. – С. 15-58. – EDN SJKJCV.
7. Хабермас Ю. Техника и наука как «идеология» / Ю. Хабермас // Гуманитарный портал: гуманитарная библиотека. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gtmarket.ru/library/articles/6261/6263>.
8. Хайдеггер М. Бытие и время / М. Хайдеггер; пер. с нем. В.В. Библихина. – 4-е изд., испр. – М.: Академический проект, 2013. – 460 с.
9. Хайдеггер М. Вопрос о технике // Время и бытие. – М.: Республика, 1993. – С. 221-238.

THINKING AND ALGORITHM IN THE CONTEXT OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE

A.A. Imashova¹, Senior Research Fellow

A.T. Zhailoobaeva², Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Director

Ch.K. Sooronbaeva³, Senior Lecturer

¹Institute of Philosophy named after Academician A.A. Altymyshbayev, National Academy of Sciences of the Kyrgyz Republic

²Center for Testing and Development of Clinical Skills I.K. Akhunbaev Kyrgyz State Medical Academy

³Karakol State University after K. Tynystanov

^{1,2}(Kyrgyzstan, Bishkek)

³(Karakol, Kyrgyzstan)

***Abstract.** The article presents a philosophical analysis of the relationship between thinking and algorithm in the context of artificial intelligence development. The study aims to identify the ontological and epistemological differences between algorithmic data processing and thinking understood as an act of subjective meaning-formation. It is argued that an algorithm constitutes a formal procedure based on deterministic or probabilistic rules, whereas thinking involves intentionality, reflexivity, and existential responsibility. Particular attention is given to the illusion of equivalence between algorithm and thinking emerging within the digital media environment. The paper examines the consequences of the algorithmization of consciousness and the limits of reducing subjectivity to computational models. It is demonstrated that increasing algorithmic complexity does not eliminate the ontological gap between calculation and understanding.*

***Keywords:** thinking; algorithm; artificial intelligence; subject; intentionality; reflexivity; algorithmization of consciousness; philosophy of technology; digital rationality; subjectivity.*